О СВОЕОБРАЗИИ АРЗАМАССКОГО «НАРЕЧИЯ»

В исследованиях, посвященных «Арзамасу», недостаточно раскрыта проблема специфичности языка в речевых формах общества и их органической связи с каноническими для арзамасского круга понятиями, мотивами, образами. Рассмотренные все вместе как единое целое, они составляют своеобразное арзамасское «наречие», изучение которого способствует более глубокому пониманию особенностей творчества писателей-арзамасцев и характера борьбы между «Арзамасом» и «Беседой», объясняет немало исторических аллюзий и литературных реминисценций пушкинской эпохи. Еще П. Анненков утверждал: «Ключ для разбора недосказанных слов и мыслей может подать только изучение существовавших у нас литературных обществ» 1.

Без знания арзамасского «наречия» нельзя раскрыть пародийный смысл, скажем, многих строк в «Истории села Горюхина» А. С. Пушкина, изобилующей, как это ни парадоксально, арзамасскими реминисценциями. В частности, о стране, «Горюхиным называемой», сообщается: «К востоку примыкает она к диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту, где произрастает одна клюква, где раздается лишь однообразное кваканье лягушек и где суеверное предание предполагает быть обиталищу некоего беса.

№ . Сие болото и называется Бесовским. Рассказывают, будто одна полуумная пастушка стерегла стадо свиней недалече от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяс-

¹ П. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873, стр. 45—46.

нить сего случая. Глас народный обвинил болотного беса...» 2 .

В шуточных арзамасских протоколах постоянно встречаются те же самые мотивы и образы, что и в приведенном отрывке, и их комическое значение становится совершенно ясным.

Потешаясь над «Беседой», арзамасцы нередко переселяли ее членов в «топкое болото», находившееся во глубине «тесной дебри, неизвестной обыкновенным смертным» («дикие, необитаемые места»). При этом беседчики как раз и уподоблялись «лягушкам, которых кваканье будет надоедать Арзамасу» 3. Название болота — Бесовское — по происхождению также арзамасское. Беседчики традиционно именовались «бесами» и представляли по обыкновению «бесовское зрелище». Пушкинское упоминание о произраставшей на болоте клюкве и об «однообразном кваканье», несомненно, можно рассматривать как шутливый намек на беседчиков, признанных «поэтов-усыпителей», и их пустые литературные опусы.

История «полуумной пастушки», затяжелевшей от «болотного беса», — арзамасская история. Она заключала намек на поэтессу Бунину. Арзамасцы вообще считали беседчиков «полоумниками». Бунина к тому же почиталась «меланхолической пастушкой», у которой была «страсть плодиться» (обилие стихотворений) и которая находилась в греховной литературной связи с «патриархом» «Беседы» — Шишковым. Не случайно и то, что пастушка «стерегла стадо свиней», Бунина была фанатично предана Шишкову, а его клевреты именовались еще и «свиньями и хрюками беседными».

Пример из «Истории села Горюхина» свидетельствует о необходимости и важности изучения арзамасского «наречия» для истории русской литературы.

Арзамасское «наречие» по природе своей явление сложное: условность, аллегоричность, недосказанность, двусмысленность, а порой и многосмысленность являются его заданными качествами. Внешняя непонятность и обособленность «наречия» хорошо осознавалась арза-

² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. VIII, кн. І. М.—Л., 1949, стр. 134—135. (В дальнейшем цитируется это издание.) ³ «Арзамас и арзамасские протоколы». Л., 1933, стр. 90.

масцами. Жуковский в «Записке о Н. И. Тургеневе» писал: «Никто бы не поверил, что можно было собираться раз в неделю для того только, чтобы читать галиматью! Фразы, не имеющие для постороннего никакого смысла, показались бы тайнами, имеющими свой ключ, известный одним членам» 4. Разумеется, нельзя ограничивать арзамасское «наречие» рамками исключительно галиматьи. Не только ею жил арзамасский союз на протяжении многих лет своего существования. Галиматья была центральной, но отнюдь не единственной формой выражения арзамасского «наречия». Оно прежде всего итог множества писем, посланий, разнообразных художественных произведений арзамасского круга.

Обособление письма только для двух или избранных вело к своеобразному отбору тем и проблем, речевых навыков и эпистолярных традиций. Наглядно обособление можно заметить в сохранившейся переписке Батюшкова времен созревания арзамасского сообщества. Так, интересен ряд писем Батюшкова к Гнедичу, автору «Символа веры» (произведение было причислено к ярко арзамасским). В письме от декабря 1809 года Батюшков представляет «Беседу» в образе собрания греческих дам, вышучивает друзей Шишкова, переодевая их в женские платья, устраивает карнавальное сборище официозных особ: «Но так как ни одна дама не поедет слушать Захарова, Писарева, Шихматова и с компанией, то я советую, затем чтоб не уронить славу обществу, некоторым членам переодеваться в женские платья, например, Крылов — в виде Сафы, Карабанов — под покрывалом Коринны, Хвостов — в виде Венеры Анадиомены или Филометы, весь нагой...» 5. Предложение в духе травестийного снижения и осмеяние «Беседы» сродни поздним арзамасским протоколам, повествующим о греческой любви Шишкова или о фривольном характере заседаний «Беседы». Переодевание в основе своей содержит карикатуру - грозное оружие арзамасского смеха. Критика и неприятие уже начинают переходить в пародию, понятия перевоплощаются в образы, враги в безобидные маски.

⁴ В. А. Жуковский. Полн. собр. соч. в 12-ти т., т. Х. СПб., 1902, стр. 20—21. (В дальнейшем цитируется это издание).
⁵ К. Н. Батюшков. Соч. в 3-х т., т. III. СПб., 1887, стр. 69.

В письме Батюшкова Жуковскому от 12 апреля 1812 года сформулировано по сути шуточное кредо будущих протоколов общества: «Мы тебя угостим и бифштексом и Беседой, которая ни в чем не уступит московской богадельне стихотворцев, учрежденной во славу бога Морфея и богини Галиматьи, которым наши любезные товарищи приносят богатые и обильные жертвы» 6. Бог Морфей и богиня Галиматья — одни из центральных мотивов арзамасских собраний. Богиня Галиматья, упоминаемая Батюшковым, составляет душу арзамасских заседаний ⁷.

В письме от 1 июля 1812 года Вяземскому Батюшков называет неожиданно арзамасское прозвище адресата — Асмодей, казалось бы, данное и закрепленное значительно позднее 8, а в письме Вяземскому от 27 февраля 1813 года в манере арзамасских шалостей высмеивает «Похищенные шубы» Шаховского («...его Шубы очень холодны») 9 и мятежно говорит о славянах (шишковистах), которые «гонят здравый смысл» 10. Обращение к здравому смыслу как средству разрешения наболевших вопросов времени создавало иллюзорную, но все же возможность компромиссного примирения литературных группировок, было очень дорого для арзамасцев и держалось как последнее спасительное средство против «хаоса понятий».

Во времена наивысшего сплочения арзамасского содружества (1815—1818) складывается и в дальнейшем плодотворно развивается прочная эпистолярная традиционность, рождается понятие «инстинно арзамасского письма» 11. Эту арзамасскую стихию, завладевшую пере-

⁶ К. Н. Батюшков. Соч., т. III, стр. 178.

⁷ Обращение Батюшкова к Жуковскому, впоследствии мастеру галиматийной формы, знаменательно. По словам исследователя эпохи Е. Ковалевского, «Жуковский имел необыкновенную способность ки Е. Ковалевского, «Жуковский имел необыкновенную спосооность сопротивопоставлять самые разнородные слова, рифмы и целые фразы одни другим, таким образом, что речь его, по-видимому, правильная и плавная, составляла совершенную бессмысленницу и самую забавную галиматью» (Е. Ковалевский. Граф Блудов и его время. СПб., 1866, стр. 109).

8 К. Н. Батюшков. Соч., т. III, стр. 193.

⁹ Там же, стр. 217.

¹⁰ Там же.

¹¹ Вяземский в письме А. Тургеневу от 20 ноября 1818 года замечает: «Гlосылаю и новое издание Дмитриева, которого я благодарил за экземпляр письмом, истинно арзамасским» («Остафьевский архив князей Вяземских», т. І. СПб., 1889, стр. 150).

пиской, полно выразил Вяземский. Сохранились и отзывы арзамасцев на письма Вяземского. Отзывы, позволяющие судить о главном, - комическом, шутливом стиле посланий. А. С. Пушкин в письме Жуковскому от 29 ноября 1824 года восторженно сообщает: «Получил я вчера письмо от Вяземского, уморительно смешное. Как мог он на Руси сохранить свою веселость?» 12. Позднее. в 1828 году, М. Орлов обращается к Вяземскому: «Твое письмо... заставило нас хохотать. Я не мог не вспомнить тех счастливых времен (арзамасских. — В. К.)... только от тебя ожидал не одной шутки, а целой Петриалы» 13.

Особо знаменательно письмо Вяземского Дашкову от 2 (14) ноября 1818 года. Письмо предназначено «потешать», причем в духе застольных арзамасских увеселений. «Прошептать глупость соседу за столом простительно, но дурачиться так во все горло из Варшавы в Царьград бесстыдно», — роняет Вяземский 14. «вздор» родствен арзамасским сходкам, когда их участники «священным сумбуром друг друга душили» 15, плоть от плоти галиматийных выходок Жуковского. Письмо серьезно и вместе с тем дурачливо, дурачливость серьезно осознается как вздор и вместе с тем продолжается как дело, заслуживающее внимания, за игрой в пустячок стоит важность мыслей и новостей.

Письмо начинается с традиционного арзамасского удивления. Суть его состоит в наивных первовопросах человека, внезапно пробудившегося или до того находившегося в каком-то ослеплении, заблуждении — амплуа многих арзамасских ораторов на заседаниях общества: «...оглядываюсь с головы до ног, дотрагиваюсь и спрашиваю у себя: он ко ли мне пишет? я ли его читаю? на земной ли мы еще планете, или, выспавши сон жизни, не очнулись мы уже в мире духовном?» 16. Остранение открывает два плана—земной и загробный. Веселая путаница миров-земной или духовный,-конечно,

и творчество. М., 1969, стр. 35.

¹² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. XIII, стр. 124. 13 М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, стр. 241.
14 Цит. по кн.: М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский. Жизнь

^{16 «}Арзамас и арзамасские протоколы», стр. 229.
16 М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, стр. 34.

игра в мистический конец света. Вспоминается уложение дружеских заседаний: «Они (члены общества.—В. К.) удивление выражали по обычаю смехом» 17. Комический эффект арзамасского удивления один из ранних приемов

остранения в русской литературе.

Письмо Дашкова, на которое отвечает Вяземский. значительно задержалось. В связи с этим Вяземский утверждает, что «почта должна идти скорее от одной планеты к другой» 18, чем от Константинополя до Варшавы. Космические сопоставления, своеобразный арзамасский планетарий, отвечали стремлениям членов общества подчеркнуть масштабность своих начинаний и замыслов. Тема вселенной нередко появляется в «Арзамасе».

Постепенно Вяземский переходит к делам российским, но прежде звучат ритуальные жалобы по поводу вечного рассеяния православного «Арзамаса» и ожидается второе пришествие Мессии. С приходом Мессии связывалась постоянная вера в то, что «арзамасцы тогда будут вместе, а беседчики порознь» 19. Библейская тематика чрезвычайно распространена и в арзамасских протоколах. В мыслях о России возмущение Вяземского вызывают нападки Каченовского на Карамзина. Вяземский советует «отляпать ему (Каченовскому. — В. К.) голову» и прибить к Царьградским воротам. Причем сей подвиг «пойдет в Историю наряду с Олеговым щитом» 20. Уподобление исторических событий и летописных преданий фактам жизни арзамасского содружества было постоянно в ходу у его участников. Они порой представляли мировую историю как историю «вечно живого» «Арзамаса» и вели свою летопись со времен Греции и Рима.

Повторяет Вяземский и философское кредо, весьма популярное в «Арзамасе» и составляющее его утверждающее праздничное воззрение: «...все к лучшему в лучшем из миров» 21. Слова эти принадлежат вольтеровскому Панглосу. Тот же Дашков упоминает о литературном герое на заседаниях общества следующим обра-

^{17 «}Арзамас и арзамасские протоколы», стр. 190. 18 М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, стр. 34.
¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. ²¹ Там же.

зом: «Пусть многоученый Панглос уверяет, что все на свете имеет свою предопределенную цель и всегда к лучшему» 22. А в речи Блудова символически цитируются строчки Жуковского из «Певца во стане русских воинов»: «Гений Арзамаса над нами: «он ведет нас к лучшему концу стезей неизъяснимой» 23. В другом месте протоколов говорится «о таинственной мудрости судьбы. все творящей во благо» ²⁴. Вяземский отдает дань идеологии кружка.

Рассматриваемое письмо запечатлевает, по замечанию его публикатора М. Гиллельсона, «неудовлетворенность Вяземского общественной и литературной обстановкой тех лет» 25. Вместе с тем письмо пронизано радостным арзамасским мироощущением, и неудовлетворенность автора относительна, а в эмоционально-стилистическом контексте арзамасского «наречия» носит преходящий, не абсолютный характер.

Близки эпистолярной традиции в арзамасском кругу и поэтические послания. В них формируется привычно арзамасский понятийный ряд, живут и арзамасская образность, карикатуры, типологические ситуации.

Поэтическое послание В. Пушкина «К Жуковскому» (1810) и «К Д. В. Дашкову» (1811) и послание А. Воейкова «К Дашкову» (1810—1811) являются основополагающими для арзамасского круга. В. Пушкин именует шишковистов «безумцами», «стихомарателями», А. Воейков «зоилами и глупцами». Оба создают культ «доброго вкуса». Позитивная программа В. Пушкина, которую, безусловно, поддерживал А. Воейков арзамасским лозунгом «Воскресни, Карамзин и вкус», сводится к ряду четких положений: о природном таланте (в арзамасских протоколах сходное — Арзамас «любит все природное, кроме природной глупости Беседы» 26), о нелепости словословия (в качестве примера Пушкин использует дежурную в арзамасском обиходе фигуру Тредиаковского — «Но Тредиаковского с Расином не равняю!» 27), об

²² «Арзамас и арзамасские протоколы», стр. 130.

²³ Там же, стр. 156.

 ²⁴ Там же, стр. 95.
 ²⁵ М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский. Жизнь и творче-

²⁶ «Арзамас и арзамасские протоколы», стр. 189. ²⁷ «Поэты-сатирики конца XVIII— начала XIX в.». Л., 1953, стр. 234.

отказе от старых канонов искусства и обращении к возвышенному разуму («Нам нужны не слова — нам нужно просвещение») 28. Послания В. Пушкина часто цитировались в арзамасском кругу и многие их афористические формулы делались крылатыми. Проходят посланиях и постоянные мотивы арзамасского мрак, «собор безграмотных всеобщее ослепление и славян» и Морфей, клевета и ад, славянская «свет наук». В. Пушкин создает идеологический словарь арзамасского «наречия».

Стихотворение К. Батюшкова «Мои пенаты» (послание к Жуковскому и Вяземскому, 1811—1812 гг.) носит уже не полемический, но внутрение устроительный характер. В нем набрасывается определенная программа жизни. этический кодекс, близкий «Арзамасу», — прочь богатство, фортуну, блистательные суеты. Рождается образ «беспечных счастливцев, философов-ленивцев, врагов придворных уз...» 29. Отдаленность пенатов от центра и внешняя изолированность напоминают стремления арзамасцев превратиться в провинциалов, далеких от столицы, скрывающихся в глуши. Возникает в «Пенатах» и заветный арзамасский образ единения великих мужей истории с современниками:

> «И мертвые с живыми Вступили в хор един» 30.

Слиянность прошлого и настоящего — все вместе, ибо все бессмертны — трактуется Батюшковым совершенно в арзамасском ключе. Родственна арзамасцам и формула, по которой поэт (в данном случае Дмитриев) «скрыл истину шутя». Истина в арзамасской поэтике изображается, как правило, в обличии шутки. Истина остается в безопасности, потому что скрыта за шуткой. Образ маскирующейся истины проходит через всю поэзию арзамасского круга. Достаточно вспомнить стихотворение В. Пушкина «Старушка и богиня Истина» или стихотворение Жуковского, прямо названное «Истина и басня». Обе предстают «везде сестрицами лучными».

Жуковского «К Батюшкову» послании утверждается основополагающая поэтическая схема:

³⁰ Там же, стр. 130.

²⁸ «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.», сгр. 268. ²⁹ К. Н. Батюшков. Соч., т. I, стр. 139.

в центре находится фантазия-богиня и ее чады: гений, «наука с свитком муз» и «зоркий вкус». В протоколах заседаний сказано: «все были воображением в Арзамасе» ³¹, а в послании Жуковского говорится о «стране воображения» ³², в которую уходит поэт. Печать фантазии лежит и на арзамасских протоколах, часто повествующих о всевозможных видениях.

Ярко арзамасским является и послание Жуковского к Воейкову «О, Воейков! Видно нам...» (1814). В нем Шишков с соратниками оказываются в храме, где ждут их ославянившийся Феб и музы. Беседчики присягают своему вождю: «Брань и смерть Карамзину!» 33. Начинается затейливое «священнодействие». Карикатурное изображение беседчиков, как и в арзамасских протоколах, склоняется к гротеску, который здесь рождается на стыке серьезного и комического, наиболее напряженных полюсов в арзамасском творчестве. Появление гротеска в произведениях арзамасцев и на заседаниях общества — одно из первых в русской литературе.

В послании Вяземского Батюшкову (1812) проводится идея веселого круга друзей и изоляции от «шайки скучной» беседчиков. Причем противопоставление веселья скуке — одно из ведущих в арзамасском «наречии», и понятие скуки становится даже своеобразной категорией поэтики. Так, Батюшков в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» цитирует слова Вольтера «все роды хороши, кроме скучного» 34, а последними предсмертными словами В. Пушкина было упоминание о скуке, которую вызывают баллады Катенина. Категорией скуки на арзамасских заседаниях оценивалось и творчество «Беседы». Скука тесно связывалась с бездарным и официозно сухим. Скучное не знало никаких оправданий и представлялось всегда неуместным.

Послание Вяземского к В. Л. Пушкину (1815) разворачивается в антонимических парах: высший свет противостоит кругу друзей, невежество, вероломство — таланту, тьма—«дневным лучам», пристрастие—«священной правде чувству», день зоила — вечности гения, мудрая молчаливость Карамзина — толпе крикунов. Подоб-

³¹ «Арзамас и арзамасские протоколы», стр. 82.

³² В. А. Жуковский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 99. ³³ Там же, стр. 83.

³⁴ К. Н. Батюшков. Соч., т. II, стр. 241.

ная бинарность мышления характерна и для творчества арзамасцев на заседаниях общества.

Серьезное и комическое органически слиты в послании А. С. Пушкина «К Жуковскому» (1816), «Кровавые стихи», разящие «Беседу», и традиционные насмешки над ней сопряжены. Арзамасские певцы именуются «парнасскими жрецами». Появляется в послании и популярный на арзамасских заседаниях образ Генияпокровителя («...И мнится, Гений ваш промчался надомной!» 35. Завистливым беседчикам противопоставляется благородство друзей и даровитость. Мотив арзамасского избранничества проходит через все произведения («Мне жребий вынул Феб...») 36. Послание уже дышит радостью арзамасского могущества.

Важным материалом для изучения арзамасского «наречия» являются художественные произведения в основном сатирического плана, вышедшие из самого горнила складывающегося арзамасского содружества. Они столь характерны для общества, что где-то теряют личное авторство и пачинают принадлежать всему «Арзамасу». В них программность и образный строй в немалой степени подготавливают характер арзамасских сходок.

К наиболее ранним произведениям, связанным с содружеством, относится «Видение на берегах Леты» К. Батюшкова (1809). Все мотивы «Видения» впоследствии становятся каноническими для арзамасского «наречия». Утомляемость от чтения бездарных стихов, чудесный сон и явление Аполлона, почитаемого позже покровителем «Арзамаса», «стихи и проза безрассудны», которые в миг тонут в Лете, «бессмертия лучи», венчающие избранных, и призыв Фонвизина к проверке подлинных ценностей на редкость близки Арзамасу: «Здесь будет встреча не по платьям, но по заслугам и уму» 37. Отбрасываются официозные внешние критерии оценки. Провозглашается и впоследствии арзамасский поэтической независимости («У всякого своя есть дума. Рассудок свой и вкус, и глаз» 38). Мелькание карикатур, шаржей, колких замечаний живо напоминает обстановку дружеских сходок. Интересно,

³⁶ Там же, стр. 194.

за Там же

³⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 195.

³⁷ К. Н. Батюшков. Соч., т. I, стр. 78.

действие происходит в аду, а позже «Беседа» и близкие ей учреждения будут представляться членам «пиитическим адом Арзамаса» ³⁹. Загробное изображается Батюшковым бытовым, сниженным и, как и весь остальной мир, осмысляется весело и свободно. «Видение» Батюшкова и положило «арзамасским видениям».

В 1813 году К. Батюшков в сотрудничестве с А. Измайловым сочинили пародию на популярнейшее произведение Жуковского «Певец во стане русских воинов». Эту пародию они назвали «Певец в Беседе славянороссов». Стихотворение напоминало веселые поминки. Образ похорон, разложения и смерти является господствующим. «Кладбище милое стихов, бумажные могилы» 40 используется позднее как мотив П. Вяземским в «Письме с Липецких вод», когда он напишет по поводу комедии Шаховского «Липецкие воды, или урок кокеткам», обращаясь к «Беседе»: «...торжествующий вкус совершит вскоре ваше погребение и, сооружая свой престол на бумажных могилах ваших, не возгласит в услышание и радость вселенны: мир усопшим гагарам!»41. А мотив гниющих виршей, съеденных мышами и продающихся вместо обертки на базаре для «салакушки с сельдями» 42, многократно будет подхвачен на заседаниях общества. Книжная лавка Глазунова, в которой обитает «царство тленья и мышей» 43, тоже навязчиво войдет в протоколы собраний. Появляется в «Певце в Беседе славянороссов» и мотив галиматьи — ей дышат славяне, - и мотив безрассудности и безвкусия всего,

⁴⁰ К. Н. Батюшков, Соч., т. І, стр. 170. ⁴¹ «Российский музеум», 1815, № 12, стр. 264—265. ⁴² К. Н. Батюшков, Соч., т. І, стр. 168.

³⁹ «Арзамас и арзамасские протоколы», стр. 168.

⁴³ Там же, стр. 170. Интересно, что подобные «арзамасские пассажи» встречаются в литературно-критической борьбе и много позднее. Так, спустя полвека Д. Писарев, резко и несправедливо отзывавшийся об «Арзамасе», неожиданно использует некоторые его мотивы в статье «Цветы невинного юмора», когда напишет о Фете: «...он сам отпел, сам похоронил ее (славу. — В. К.) и сам поставил над свежею могилою величественный памятник, из-под которого покойница уже никогда не встанет; памятник этот состоит не из гранита и мрамора, а из печатной бумаги; воздвигнут он не в обширных сердцах благородных россиян, а в тесных кладовых весьма неблагодарных книгопродавцев». (Д. И. Писарев. Соч. в 4-х т., т. И. М., 1955, стр. 333).

что они творят. «Певец в Беседе славянороссов» подготавливает образную основу арзамасской карикатуры.

Действие «Видения в какой-то ограде» (1815) Д. Блудова происходит в трактире, в котором по обыкновению сходится кружок провинциалов. Они совсем по-арзамасски идеализированно живут «вдали от столицы», «никогда не ссорились, но часто спорили» 44. Однажды ночью собравшиеся услышали за стеной странный голос. Соседом оказывается, по многочисленным намекам, Шаховской. Он пребывает в магическом сне и витийствует о небезызвестной Словеснице, где царит «мерзость и запустение» 45. Внезапно открывается Шаховскому некий «мир извращенный» 46. Характерное для арзамасского миросозерцания выворачивание мира наизнанку, обнаружение полной бессмыслицы окружающего, переиначивание всего, когда даже «предметы меняются в видах своих». Маки кажутся розами, ельник фимиамом, квасная гуща нектаром, гудки же лирами. Мир шиворот-навыворот объяснял деятельность беседчиков и давал ей оценку.

Логично завершает арзамасский цикл произведений «Парнасский адрес-календарь» (1818—1821) А. Воейкова. Полемика между «Арзамасом» и «Беседой» преподносится как справочник, пародирующий официальную форму государственного адрес-календаря. Если характеристики арзамасцев приближаются к шаржу и остроумному поощрению, то портреты беседчиков отличаются карикатурной очерченностью и сарказмом. К. Батюшков юмористически назван «обер-камергером граций» 47 — подчеркнуто совмещены официальный чин и поэзия. Арзамасцы обособлены от государственной иерархии, но не отказывались от нее и вводили на пародийных началах в парнасское царство. Д. Давыдов в том же роде поименован «адъютантом Аполлона» 48. В. Пушкин «имеет в петлице листочек лавра с надписью: за Буянова» 49. Пародируется также официальное награждение. Д. Дашков возведен «в министры юстиции» Парнаса, П. Вяземский назначается «министром полиции»,

^{44 «}Остафьевский архив князей Вяземских», т. I, стр. 409.

⁴⁵ Там же, стр. 410. ⁴⁶ Там же, стр. 411.

^{47 «}Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.», стр. 597.

⁴⁸ Там же, стр. 598. ⁴⁹ Там же, стр. 599.

а Д. Блудов «секретарем бога Вкуса при отделении хороших стихов от бессмысленных» 50. Арзамасцы, несомненно, осознавали свою деятельность как государственно важную. Шутки и игра в галиматью по существу напоминают «потешные полки», набирающие в веселье силу, независимость, власть. Игра в безвестных провинциалов — игра в крепнущих государственных деятелей и бессмертных писателей. Выдерживаются в «Парнасском адрес-календаре» и арзамасские категории ума и вкуса. Так, Жихарев вступает «в управление ума и вкуса» 51, безусловно, пародирующего идею просвященного государственного руководства. В свою очередь А. Шишков и остальные члены «Беседы» заняты комическими деяниями. Шишков переписывает стихами Стоглав и Кормчую книгу. Д. Хвостов «обучает иппокренских лягушек квакать» 52. Шихматов пишет «неведомо что. неведомо для кого» 53. Абсурдное в деятельности «Беседы» становится отчетливым и разительно смешным. Все характеристики «Парнасского адрес-календаря» задуманы как намеки. Без намека и двусмысленности нельзя было бы ничего понять. Мешанина имен и произвольная схема расположения портретов должны, по всей вероятности, закрепить образ «хаоса» и «путаницы понятий» вездесущие арзамасские образы. Адрес-календарь создается специально «для употребления в благошляхетском арзамасском обществе» 54.

Содержательным документом арзамасского «наречия» являются, конечно, протоколы заседаний общества. Рассмотренные в единстве протоколы создают вполне определенное целое. По мнению Галахова, «их можно назвать как бы рапсодиями о членах Беседы, материалом для ирои-комической поэмы, о которой подумывал Жуковский, замечая при каждом странном явлении в деятельности шишковистов: «ей, быть Беседиаде» 55. В предположении Галахова ценно указание на близость протоколов литературному произведению с ясно обозна-

^{50 «}Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.», стр. 597.

⁵¹ Там же, стр. 599. ⁵² Там же, стр. 600.

⁵³ Там же, стр. 599.

⁵⁴ Там же, стр. 597.

⁵⁵ А. Галахов. История русской словесности, древней и новой. т. 2. М., 1894, стр. 257.

ченным жанром ирои-комической поэмы. Упущено только то существенное, что ирои-комическая поэма создавалась коллективными усилиями. Она представляла опыт коллективного творца и уникальна в силу необычности своего рождения. Замысел подобной поэмы существовал среди арзамасцев с давних пор. К. Батюшков в письме Гнедичу от 9 февраля 1810 года замечал: «Какову мысль мне подал Жуковский! Именно-писать поэму: Распрю нового языка со старым, на образец Лютрена Буало» ⁵⁶. Еще в 1809 году К. Батюшков писал Гнедичу о сходном с Жуковским замысле ироикомической поэмы: «Впрочем я буду писать Дунциаду, где всех помещу на месте» 57. А на позднейших заседаниях «Арзамаса» говорится о протоколах собраний тоже именно как о «Дунциаде» 58. Пояснением к намерениям поэта и названию протоколов общества может служить другое письмо Батюшкова Жуковскому от 1816 г. Его автор говорит о членах «Беседы»: «Они влюблены были в Дульцинею, которая никогда не существовала. Варвары, они исказили язык наш словенщизною!» 59. Итак, замысел Батюшкова 1809 года совпадает с характером арзамасской «Дунциады», созданной в форме протоколов. Как ни называть протоколы «Арзамаса» — Дунциада или Беседиада—они наследуют ирои-комическую форму.

Другим важным организующим принципом арзамасских протоколов является форма речей ораторов. Речи задуманы как похвальное слово бессмыслице, как некрологи членам «Беседы». Похвальное слово обращено к лицам и предметам заведомо недостойным. Словословие втягивало в свою орбиту самые разнообразные мотивы, которые продолжают древнюю литературную традицию похвальных слов. В журнале «Воспоминание» (1832, № I) помещен богатый их перечень. Этот подытоживающий список свидетельствует о пристальном интересе эпохи к лжепанегирикам. Среди них много чрезвычайно близких арзамасской поэтике. Фаброний, Майер, Скалигер воспевают гуся (символ «Арзамаса»), Неккер — дурачество, Кричтон, Руссо — невежество, Ли-

⁵⁷ Там же, стр. 70.

⁵⁶ К. Н. Батюшков. Соч. т. III, стр. 77.

 ^{58 «}Арзамас и арзамасские протоколы», стр. 174.
 59 К. Н. Батюшков. Соч., т. III, стр. 409.

кург — смех, Лукиан — смехотворство и шутовство, Антоний Галаги — подагру (в «Арзамасе» легендарной была подагра В. Пушкина), Платон — пьянство, Артада — сверчка (в «Арзамасе» прозвище А. С. Пушкина), Бузей — войну (поединок «Арзамаса» и «Беседы»), Эразм Роттердамский — глупость. Похвальные слова писали и арзамасцы: Карамзин — «Гимн глупцам», Батюшков — «Похвальное слово сну».

Похвальное слово иронизирует и издевается. В основе его лежит гиперболичность, порой гротеск. Похвальное слово открывает новые или периферийные темы, вводит их как равноправные в литературный обиход.

«Арзамас» любил превращения, изменения, постоянную обратимость и обращаемость мира. Идеей перевоплощения проникнуто ответное слово Светланы (Жуковского) на речь Громобоя (Жихарева). Экс-беседчик Жихарев «смертию получил бессмертие, пакостями ность, грязью и смрадом — чистоту и благовоние» 60. Крайности переходят одна в другую на протяжении всей речи. «Брат усопший, брат воскресший» 61, -- говорит Жуковский, а в другом месте из «прекрасного белого гуся» Жихарев превращается в уродца, покрытого «наростами, волдырями и волдырьками» 62, символизирующими литературные опыты Жихарева-беседчика. И наоборот, вступив в «Арзамас», герой «уснул в пакости! Пробудился в велилепии». В конце речи Жуковский сравнивает Жихарева с Фениксом. Только Феникс и воскрес Фениксом. Иное дело Громобой: он «умер сердитою совою Беседы и воскрес горделивым гусем Арзамаса». О перевоплощении, протеевом начале говорит и сам Жихарев, ибо «отложивше ветхого человека, нового облецемся» 63. Пафос наступающих перемен жизни эпохи, обновление мира, о котором мечтал «Арзамас», соответствовали любви к подобным переменам.

Примечательна речь С. С. Уварова, посвященная отпеванию поэтессы А. Буниной. Похвальное слово проникнуто одной из любимых метафор «Арзамаса» — уподоблению литературной продукции и литературных отношений образу эроса. Так, произведения Буниной име-

⁶¹ Там же.

^{60 «}Арзамас и арзамасские протоколы», стр. 97.

⁶² Там же, стр. 99. ⁶³ Там же, стр. 101.

нуются ее «чадами». Комический эрос обрамляет многне мотивы протоколов. Ярко и даже грубо он входит, скажем, в яжелбицкие стихотворения В. Пушкина, читавшиеся в собрании «Арзамаса». Комический эрос раскрепощает всю серьезность человеческих отношений, бурлескно снижая их. Забывалось порой чувство меры. Не случайно яжелбицкие эпиграммы явились поводом для временного разжалования арзамасского старосты Вота-В. Пушкина. Комический эрос был близок арзамасцам своим радостно-воинственным И свободным, азартным началом.

Фантастические видения арзамасских протоколов, несомненно, пародировали романтические баллады Жуковского. Однако подлинная цель фантасмагории заключается в другом: вывести «Беседу» любой ценой из обычных житейских представлений, изобразить ее величайшей бесовской напастью, обрушившейся на литературу. Эстетическое кредо романтического толка сталкиклассицистическими, рационалистическими установками «Беседы». Фантастические видения «Арзамаса» пародировали и всевозможные мистические мотивы, превращая мистику в остро сатирические карикатуры. Такова речь Дашкова на девятнадцатом собрании общества. Некий колдун, клеврет «Беседы», вводит Дашкова в светилище, в котором есть волшебное зеркало. Рассеивается туман, и в зеркале отражается похоронная процессия беседчиков. Она, как обычно, маскарадно костюмирована. Члены в «венках из репейника», в одежде, сшитой «из онуч и повойников», несут свинцовый гроб ⁶⁴.

Вся речь Дашкова пестрит «арзамасскими пассажами». Здесь и пристрастие к арзамасской афористичности, освещавшей жизнь через призму арзамасского мировосприятия («Но трудно добраться до смысла в творениях славянофилов, трудно и мечтам всегда заменить существенность»), здесь и типично перифрастическая форма речи: «Запах жареного гуся, — говорит Дашков, — не приводил в приятное содрогание моих фибров той части тела, которою ревностный мститель Журавль наш тревожит лягушек и жаб...» 65.

 $^{^{61}}$ «Арзамас и арзамасские протоколы», стр. 200. 165 Там же, стр. 198.

М. Орлов при вступлении в «Арзамас» говорил о «божественном языке вдохновенности или топком наречии насмешки» 66, овладение которыми представлялось ему делом совсем не простым.

В духе ирои-комических фантасмагорий разворачивается действие в «Речи Н. И. Тургенева по случаю отъезда Д. В. Дашкова». Толпа беседчиков, составленная из «стариков, юношей и младенцев» 67 (зрелый возраст характеризовал в протоколах самих арзамасцев, что, кстати, соответствовало действительности), пытается переправиться через Неву. Моста нет. Д. Хвостов советует переправиться через реку, как в свое время Суворов переправлялся через Чертов мост. Тройной намек: Суворов доводится родней Хвостову, Чертов мост — каламбур, ведь члены «Беседы» представляли «бесовское эрелище», и на пути их адских интриг, несомненно, должен был появиться Чертов мост, наконец, героическое предание о переходе Суворова травестийно снижается, обнажая смехотворную воинственность «Беседы».

Н. Тургенев превращает изображение «Беседы» в некое действо. Пародируется не только поэтическое мышление беседчиков, но их ритуалы, тактика, жизненное поведение. «Беседа» является олицетворением не только консервативной враждебной литературной партии, но и воплощением определенного рода нелепого жизнеустройства. Смех «Арзамаса» — смех, вызывающий и сильный. Ведь за «Беседой», ее программой стояли государство и общественное мнение. Характерно позднее признание Вяземского по поводу деятельности Шишкова: «...Мы смеялись нелепости его манифестов; ...но между тем большинство, народ, Россия читали их с восторгом и умилением...» 68. Смех «Арзамаса» опережал общественное развитие.

В речах участников собраний отразилась атмосфера неуемной фантазии и бесконечной изобретательности. Шутка оформляет арзамасское «наречие». Беседчики именуются в протоколах «водяными скоморохами» 69, а

69 «Арзамас и арзамасские протоколы», стр. 103.

 ^{66 «}Арзамас и арзамасские протоколы», стр. 206.
 67 Там же, стр. 217.
 68 П. А. Вяземский. Полн. собр. соч. в 12-ти т., т. IX, СПб, 1884, стр 195.

Aхилл (Батюшков) сравнивается с «тосканским фигляром» 70 .

Следует коснуться еще одного вопроса об истоках арзамасского «наречия». Каким образом язык кружка разрывает с салонными канонами, отказывается от этикетных традиций времени и часто предстает площадным и грубым? Отчего столь часто проникают в арзамасскую литературу образы материально-телесного низа, всевозможные фарсовые и буффонадные приемы. Так, на протяжении всех протоколов общества происходит комическое уподобление головы заду. (О старосте Вот говорится: неизвестно, «что у него голова, а что задница»)71, а о беседчиках сказано, что у них седалище «в виде головы торчит на плечах» 72. Йотив-образ Эоловой (А. Тургенев) постоянно связывается с гротескным изображением тела, прежде всего утробы («Приближьтесь к ее огромной утробе: оттуда изыдет вещание важных судеб Арзамаса») 73. И совсем уже гиперболизированным панегириком чреву является стихотворный отчет В. Жуковского:

«Сел Арзамас, и явилось в тот миг небывалос чудо; Нечто пузообразное, пупом венчанное, вздулось, Громко взбурчало, и вдруг гармонией Арфы стало бурчанье» 74.

Почему в «Арзамасе» много пишут о подагре Вота? Откуда берутся низкие образы, включая и безудержное пьянство («Громобой был постыдно пьян, лежал у себя дома ногами горе, а головою низу») 75. Ссылка на бурлескный характер ирои-комической поэмы здесь явно недостаточна. Объяснение в другом: шуточное арзамасское общество так или иначе, но продолжает традиции потешных обществ Средневековья и использует средневековые литературные мотивы и формы. Об этом писал и Вяземский, сравнивая «Арзамас» со старой Италией: «В старой Италии было множество подобных академий, шуточных по названию и некоторым обрядам своим...» 76.

⁷⁰ «Арзамас и арзамасские протоколы», стр. 188.

⁷¹ Там же, стр. 154.

⁷² Там же, стр. 102. ⁷³ Там же, стр. 206.

⁷⁴ Там же, стр. 224.

⁷⁵ Там же, стр. 85.

⁷⁶ П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 416.

В книге М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле» говорится о популярности жанра «нарочитой бессмыслицы» (cog-á-l'âne, то есть с петуха на осла), весьма напоминающим арзамасскую галиматью, и o blason («это была вольная и двусмысленная хвала-брань») 77, чрезвычайно близким по форме похвальному слову арзамасских протоколов. Характерна и амбивалентная символика протоколов: живые покойники «Беседы» и бессмертные арзамасцы. Наблюдается в арзамасских пропостоянное травестирование различных библейских изречений, столь свойственное комической литературе Средневековья. Арзамасские пародийные похороны прямо напоминают карнавальные. Сходны и некоторые пародийные тексты. Достаточно вспомнить пародию на волшебные мотивы «Отче наш», «Символ веры», а с другой стороны, знаменитый «Символ веры» Гнедича, антиклерикальные шутки Средневековья внецерковные пародии арзамасцев. М. Бахтин пишет о том, что «одним из обязательных моментов народнопраздничного веселья было переодевание, то есть обновление одежд и своего социального образа» 78. В «Арзамасе» мотив переодевания также постоянен; меняется и социальный облик людей: столичная элита уподобляется жителям провинциальной глуши. Близка «Арзамасу» и традиция застольных бесед, застольных песен. Жанр пародийных пророчеств Средневековья напоминает речи пророчицы Кассандры. Выделяет М. Бахтин и «алогические сферы непубликуемой речи,.. где люди в сугубо фамильярных условиях предаются бесцельной и необузданной словесной игре или отпускают на вольную волю свое словесное воображение...» 79. Подобная бесцельная игра характерна для всех арзамасских сходок. В другом месте М. Бахтин пишет о средневековой пародии, которая зиждется на гротескной концепции тела. Гротескное тело, особенно образ огромного брюха, является настойчивым мотивом арзамасских собраний.

«Арзамас» в условиях прочных европейских влияний просветительства совершает по сути своего рода лите-

⁷⁷ М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965, стр. 460 и 465.

⁷⁹ Там же, стр. 459.

ратурный подвиг, ориентируясь на средневековую культуру.

Арзамасское «наречие» носит, несомненно, экспериментальный характер, напоминает литературную игру, содержит интересный творческий опыт. «Истинно арзамасское» письмо, послание, «видение» или похвальное слово протоколов представляют оригинальные литературные формы и канонизируют речевые навыки общества. Но арзамасское «наречие» не ограничивается только этими жанрами и проникает повсеместно в комическую литературу членов общества. Еще Ю. Тынянов писал: «Арзамас» был как бы сгущением всех форм шутливой полудомашней поэзии карамзинистов» 80. Арзамасское «наречие» входит и в малые, и в крупные лирические формы. Прежде всего в многочисленные популярнейшие эпиграммы эпохи. Вяземский пишет, скажем, «Поэтический венок Шутовского» (1815), Батюшков «На поэму Петру Великому» (1812), Жуковский «Бесполезная скромность» (1814), А. С. Пушкин «Угрюмых тройка есть певцов» (1815) или «Пожарский, Минин, Гермоген» (1817). Среди крупных произведений можно выделить знаменитую поэму В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (1811), которую участники дружеских сходок называли «арзамасской кормчею книгой», или такое значительное сатирическое произведение. «Дом сумасшедших» (1814—1830) А. Воейкова.

Вне арзамасского «наречия» трудно растолковать и множество других произведений писателей-арзамасцев. В лирике Вяземского — это, к примеру, стихотворения «Объявление» и «Быль в преисподней» (1810), «Когда», «Липецкие воды», «Разгуляевскому обществу» (1815), «Как трудно жить» (1817) или «Послание к М. Т. Каченовскому» (1821). В лирике Жуковского — «Сказать вам коротко да ясно!» (1812) или «Ареопагу» (1815). В творчестве Батюшкова — «К друзьям» (1815) или «Я вижу тень Боброва» (1817), а также в его прозе: «Путешествие в замок Сирей» (1814), «Вечер у Кантемира» (1816), обсуждавшемся на арзамасских заседаниях, и, особенно, «Похвальное слово сну». Чрезвычайно влиятельны понятия, мотивы и образы арзамасского «на-

 $^{^{80}}$ Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. В кн.: Ю. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1969, стр. 58.

речия» в лирике А. С. Пушкина. Поэт к ним обращается уже в первых произведениях. Прежде всего в «Бове» и «К другу-стихотворцу» (1814). В стихотворениях 1815 года «К Галичу», «К Дельвигу», «Моему Аристарху» или в знаменитых «Городок» и «Тень Фонвизина». В ряде более поздних стихотворений, скажем, «Усы», «Сон» (1816) или «Послания к цензору» (1822) и, конечно, в «Оде его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову» (1825).

Арзамасское «наречие» не умирает с распадом арзамасского круга и после 1825 года. Так, к нему вновь обращается Пушкин-прозаик. И не только в упоминавшейся уже «Истории села Горюхина», но и в «Гробовшике».

Определяя пародийный литературный состав «Гробовщика», В. В. Виноградов справедливо указывал на «паутину литературных намеков, облегающих повествование» ⁸¹. Однако вне поля зрения исследователя оставалась арзамасская комическая традиция, многие арзамасские реминисценции «Гробовщика».

Пушкин, не без лукавства ссылаясь на героев IШекспира и Вальтера Скотта, пишет о «гробокопателях» (арзамасцы говорили — «мы, гробокопатели») как о «людях веселых и шутливых». Андриан Прохоров, напротив, угрюм. Пушкин это особо подчеркивает. Образ гробовщика, как и его приятеля чухонца Юрко (в протоколах — «чухны одной породы с членами «Беседы»), сопровождают намеки, связанные с беседчиками, которые часто «обитали» в сумасшедшем, или в «желтом доме». Гробовщик справляет новоселье в «желтом домике», а у Юрко некогда была «желтая будка».

В арзамасских протоколах желтый цвет символически обозначал принадлежность к «Беседе». О сединах Шишкова говорилось — «седожелтая голова», а у тех, кто связал себя с «Беседой», по лицу разливалась «желтизна сотрудничества». В «Гробовщике» желтым цветом — печать «Беседы» — отмечены и дочери Андриана (у них «желтые шляпки»), и покойница Трюхина («желтая как воск»), и мертвецы, явившиеся к гробовщику («желтые и синие лица»).

Арзамасцы называли произведения беседчиков «гробами» («книжные лавки наполнены разновидными

⁸¹ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941, стр. 463.

гробами»). Для Прохорова гробы — «свои произведения», и к тому же у него есть «гробы всех цветов и вся-

кого размера».

Как известно, «Беседа» состояла из четырех разрядов членов и сотрудников. Это служило поводом для постоянных арзамасских насмешек. На церемонии погребения очередного собрата беседчики «тащились по четверо в ряд». В протоколах упоминается и закупоренная бутыль с надписью—«Здравый смысл четырех разрядов».

В самом начале «Гробовщика» сказано, что Андриан с «похоронными дрогами» отправился «в четвертый раз» к «желтому домику». На торжестве у немца-сапожника Юрко, между прочим, ел «за четверых». Причем Андриан «ему не уступал» (в черновом варианте «Андриан ел за четверых и молчал»). Интересно, что в черновиках Пушкина купчиха Трюхина умирала «уже четвертый год», а гробовщик, покидая старое жилище, прибил к воротам «четвероугольное объявление».

Арзамасские реминисценции, органично вплетаясь в ход повествования, развертываются в гибкую систему всевозможных намеков, создают свой особый пародийный план «Гробовщика».

В заключение следует подчеркнуть, что арзамасское «наречие», творчески преломившееся во многих произведениях писателей-арзамасцев, являлось результатом коллективных усилий членов общества, ярким опытом коллективного творчества.

ЗАМЫСЕЛ, ТРУД, ВОПЛОЩЕНИЕ...

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. В. И. КУЛЕШОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1977